

НАДО Ж БЫТЬ КОГДА-НИБУДЬ ПРАВЕДИВЫМ...»

Ф.М. Достоевского в Новокузнецке сделал замечательное приобретение — рукопись литературного письма (статья в виде письма) весьма известного и последнего трети XIX и начале XX веков издателя Алексея Суворина.

Находки, как правило, связаны с интересными историческими фактами. Так было и на сей раз. Сотрудники библиотеки с коллекционером-книжником из Осинской библиотеки которого есть интересные издания XIX века. И вот как-то коллекционер показал музейному религиозного содержания, в конце которой листках для заметок они и увидели письмо с рассуждениями о расколе в православной церкви в середине XVII века.

Предваряет краткое описание биографии Суворина, составленное неизвестным автором для газеты «Новое время» 18 апреля 1893 года, начало письма переписанного же неизвестного автора.

«Это письмо, предназначенное для знаменитой газеты «Новое время», соседствует с его составленной совсем для другого издания? Рукопись оказалась под обложкой книги? Не буду гадать, думаю, что специалисты найдут ответы на эти вопросы. Как и на то, состоялась ли вообще эта публикация.

Важно же в этом закрадываются потому, что в весьма острой форме анализируется крайняя история раскола в русской православной церкви — преследования старообрядцев. Не слишком ли далеко был автор для 1893 года, если даже для читателей нашего «плюралистского» времени его писем наверняка покажется недопустимо?

Если речь идет о таком влиятельнейшем для своего времени человеке, как Суворин, то планку дозволенного* нужно значительно поднимать. Приведем некоторые биографические сведения о нем.

Суворин — литературной молодости произведения Суворина печатались цензурой, а за статью в «Русском журнале» где рассказывалось о том, что на балу у губернатора присутствовали публичные женщины привлечен к ответственности по распоряжению Александра II. К моменту появления газеты «Новое время» Суворин слыл уже известным публицистом, многократно знаменитыми людьми, например, Александром Герценом.

Но именно это издание сделало его хозяином одной из крупнейших исторических фигур. Вот как Суворин один не очень доброжелательный журнал, когда он развернул свое «Новое время» — орган, стязал «славу» и громадное состояние радиет сановные люди, которым он был нужен, как рупор. Они же несли ему новые идеи, в виде разных льгот и концессий (крупнейшее предприятие, книжные киоски на всей сети железных дорог и водных путей. — М.Г.), а Суворин в свою очередь делал перед ним...»

Суворин в своем деле был сложным, противоречивым человеком. Либеральные деятели и пресса, например, считали его либералом, считая его взгляды реакционными. Но многое из того, что либералы считали реакционным делом диктовалось элементарным здравым смыслом. Было у Суворина одно, на мой взгляд, слабое место — его идиофансия. Признаюсь, потому я поначалу не хотел связываться с его журналом, желая познакомиться с его содержанием, не имея неприязни к автору. К тому же я знал, например, что Суворин знал, дружил или переписывался едва ли не со всеми известными людьми того времени. Достаточно сказать, что, кроме того, Суворин был близок также с Достоевским и Чеховым.

Суворин заметной в истории России человека рукописи сотрудники новокузнецкого музея Достоевского усилить разобрав содержание этих пожеланных столетие листов (отличной от современного «русского» и «ятыми», непривычные грамматика, и «неправильный» строй языка), я вдруг понял, что оно было и для нашего времени. По крайней мере, заключенная в письме Суворина, написанная известному большинству россиян: так что читающего края» станут в известной степени «персонами».

«В двадцать шестой раз православная Русь встретилась Христово не в том братском единении, которое прежде, — так начинается письмо, над которым 29 декабря 1893 года (орфография и пунктуация оригинала приведены в соответствии с современными нормами). — Собор 1666 года разделил православную Русь враждою друг ко другу. Вы едва ли знаете Акт этого Собора, в истории раскола Русь в извлечениях, причем опускается та его часть, которая слишком явно свидетельствует о жестоких преследованиях, ярко отразившихся в этом Соборном акте».

«В начале царь Алексей Михайлович называется «Истинным Константином» и «Мстителем» «раскольникам и еретикам».

«Куда уж и этот титул Мстителя в делах веры и нравственности возлагал на него обязанности, противостоять Христову, духу кротости, снисхождения и милосердия, а не от духовной власти, теряют свои смысл. Меры, даже самое проклятие, положенное на раскольников, которые крестятся двуперстием и почитают старыми обрядами почитают старые книги, и в таких словах, что даже людям того времени казалось, что это проклятие и анафема» всякого непокорного и нечестного: «Да будет он и по смерти отлучен от Церкви, и его душа помещена с Иудею-предателем Иудею Христа жидами... и с прочими проклятыми людьми...» (Многоточиями здесь помечаются изъяснения трудные для чтения фразы, а также сделанные по другим причинам — по воле автора — ушерба для смысла. — М.Г.).

«...» — это проклятие, которое крестятся двуперстием и почитают старыми обрядами почитают старые книги, и в таких словах, что даже людям того времени казалось, что это проклятие и анафема» всякого непокорного и нечестного: «Да будет он и по смерти отлучен от Церкви, и его душа помещена с Иудею-предателем Иудею Христа жидами... и с прочими проклятыми людьми...» (Многоточиями здесь помечаются изъяснения трудные для чтения фразы, а также сделанные по другим причинам — по воле автора — ушерба для смысла. — М.Г.).

«В «Истории русской церкви» митрополит Макарий говорит, что религиозная борьба началась преимущественно из личных побуждений и с обеих сторон. Самовластие, неукротимость, своеволие, сатанинское честолюбие Никона, не останавливавшегося перед подчинением себе верховной власти, пред поработанием царя, играло в этой борьбе огромную роль. Он ли поступал с правниками и с теми, которые осмеливались противоречить ему, как мать? Неужели дальнейшие преследования раскола, казни, ссылки, тюрьмы, заточения, дальнейшие гонения, породившие бунты в Москве, в Соловецком монастыре, породившие самосжигателей, бросавшихся в огонь от насилий и грабежа — неужели все это материнский призыв к заблудшим чадам с мольбой о возвращении в лоно матернее? Правда, все это было во времена давно прошедшие, но они входят в те «двести лет», о которых говорит автор статьи в «Московских ведомостях».

«Как осуждать народные массы и их учителей, если они в церковных новшествах Никона видели нарушение православия и жертвовали своим спокойствием, своим достатком, даже своею жизнью для защиты старых книг, двоеперстия и некоторых старинных церковных обрядов? Они ведь знали, что этим старым православием... жила русская держава, усиливалась, объединялась, что по этим старым книгам спасались и св. Сергий Радонежский и... что по этим старым книгам молились благочестивые русские цари, патриарх Филарет Романов, сын его Михаил и тот же Алексей Михайлович, которого подчинил себе Никон и который с трудом выбился из-под этого влияния...»

«Мало того, русский человек гордился своею церковью, считал ее... может быть, даже единственно истинною, и вдруг это сокровище, с которым сросся весь его быт, разрушают... Это ужасно, ведь религиозные вопросы — это душа жизни народной. Ведь Европа тридцать лет вела истребительную войну из-за них. Что же удивительного и непонятного, если множество русских не только захотели остаться при старых книгах, но считали смертным грехом подчиниться новшествам, о которых столько столетий Русь не слыхала. Это старое православие подняло Русь в смутное время, оно объединило ее своей силой и крепостью, оно вдохнуло мужество в иноков Троицкой лавры — и воспоминания обо всем этом были еще свежи во времена Никона».

«Что удивительного, что эти люди предпочитали гонения и смерть тому, что они считали именованной православием? Что удивительного, что этим людям приходило в голову вопрос: если по этим старым книгам так многие спаслись, так многие угодили Богу в такой степени, что сделались святыми и творят чудеса, то каким же образом проклинают эти книги, эти обряды? Будут ли спасаться по новым книгам, по новым обрядам — это еще неизвестно, но ведь старина доказала свою святость. Если тут была «духовная гордость», как выражается автор статьи «Московских ведомостей», «духовная гордость», которую он ставит в упрек оставшимся верными старому обряду, то это гордость святостью и величием православия».

«Что ж мудреного или неясного, что в никоновских новшествах народ XVII века видел гибель веры, гибель всего православия? И если Никон мог решиться на такую меру, то потому лишь, что его ослепляло неукротимое честолюбие и неразборчивая любовь к блеску, к подражанию грекам, к властному распоряжению всю Русью... Он есылался на патриархов, когда они ему были нужны, он же в грош не ставил их во время суда, выставляя на вид их пристрастие, их низкопоклонство, их продажность. Собор, осудив Никона, утвердил его новшества и произнес известное проклятие на старую веру».

«Как тут было разбираться народу во всей этой путанице, во всех этих противоречиях, судах, Соборах, когда и теперь еще во всем этом не разобрались многие?»

«Никон был осужден, но никоновская (политика) продолжала процветать и после него, эта политика хотела взять старообрядство измором, лишив его храмов, священства и всех благ мирной жизни, всех благ равноправности с теми, которые крестились тремя перстами и слушали литургию по новым книгам. Это была поистине глубокая трагедия в жизни старообрядцев, и это поймут все те, которые способны понимать народную душу — ибо для веры составляла самое важное в жизни. Надо ж быть когда-нибудь справедливым и без всякого лукавства сказать правду, которая поддается сердцем...»

«Вот такое письмо. Если слегка осовременить стиль, то можно подумать, будто оно сочинено в наши дни. Ведь православная церковь так и не пересмотрела своего отношения к истории раскола, к старообрядчеству. О покаянии за жестокие, противные духу христианства преследования не может быть и речи, хотя попытки косвенно извиниться предпринимались, но делались они на основе безусловных правоты церкви. Церковь не может быть неправой, потому что этого не может быть никогда».

«Так что по сути дела до сих пор торжествует та самая никоновская политика, о которой пишет Суворин. Вряд ли это способствует авторитету православной церкви, особенно сейчас, когда она пыгается возродиться. Вообще складывается такое впечатление, что отцы церкви стараются как можно реже касаться содержательных, сущностных вопросов веры, религии, они сейчас больше озабочены другим — налаживанием дружбы с властью, предрасположенностью к строительству и реставрации храмов. Можете сблизиться с государством, понастроить храмов (что са по себе замечательно), но возродится ли в них вера?»